

МОБИЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ КАК ЯВЛЕНИЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА*

И. Н. Емельянова, О. А. Теплякова, Д. О. Тепляков

Тюменский государственный университет

Россия, 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6; matra2005@yandex.ru

Аннотация. Данная исследовательская статья построена на материалах опроса, проведенного в 2019 году в рамках проекта «Рождение российской магистратуры», который инициировал Институт образования НИУ ВШЭ. Респондентами стали студенты 25 вузов России: обучающиеся по программе бакалавриата – 3751 человек; обучающиеся по программе магистратуры – 1147 человек. Актуальность исследования обусловлена развитием такого нового явления в высшей школе, как формирование и сопровождение мобильности субъектов образовательного процесса, обеспечение условий для ее реализации. Цель статьи – выявление управленческих проблем в сфере реализации студенческой мобильности, рассматривающейся авторами в аспекте интернационализации образования и субъектной активности студентов в построении траектории профессионального развития. Интерпретация ответов респондентов и анализ государственных документов и локальных нормативных актов вузов позволили определить ресурсы мобильности студентов и управленческие проблемы. К числу ресурсов студенческой мобильности относятся: государственная и финансовая поддержка академической мобильности; активизация внутренних ресурсов вузов; проявление субъектной активности студентов в сфере построения траектории своего профессионального развития. Сдерживающими факторами являются: нормативно-правовая неопределенность в сфере исходящей мобильности; неготовность образовательной среды к реализации входящей студенческой мобильности иностранных студентов; ограниченность финансовых ресурсов, необходимых для реализации разноплановых задач мобильности. В ходе исследования выявилась проблема встречной активности субъектов образовательного процесса, к которой не готовы современные вузы, – профессиональная мобильность студентов. Реализация студенческой мобильности требует от вузов формирования конкурентного преимущества на рынке образовательных услуг; создания «интернациональной среды» для интеграции иностранных студентов в российское образование; разработки механизмов организационно-нормативного сопровождения входящей и исходящей академической мобильности; организации нового сценария взаимодействия вуза со студентами, проявляющими профессиональную мобильность в период обучения в вузе. Статья может представлять интерес для руководителей отечественных вузов.

Ключевые слова: академическая мобильность студентов, интернационализация вузов, сопровождение мобильности, конкурентоспособность, индивидуальная траектория развития студентов.

Благодарность. Проект реализуется победителем программы «Стипендиальная программа Владимира Потанина» Благотворительного фонда Владимира Потанина.

Для цитирования: Емельянова И. Н., Теплякова О. А., Тепляков Д. О. Мобильность студентов российских вузов как явление и управленческая проблема // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 2. С. 131–144. DOI: 10.15826/umpa.2020.02.019.

* Исследование выполнено в рамках проекта «Рождение российской магистратуры» при поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина. Ссылка на страницу проекта – на официальном сайте ВШЭ (<https://ioe.hse.ru/rusmag/>).

MOBILITY OF RUSSIAN UNIVERSITY STUDENTS AS A PHENOMENON AND A MANAGEMENT PROBLEM

I. N. Emelyanova, O. A. Teplyakova, D. O. Teplyakov

Tyumen State University

6 Volodarskogo st., Tyumen, 625003, Russian Federation; matra2005@yandex.ru

Abstract. The paper is based on a survey conducted within the framework of the project «The Birth of a Russian Master» (initiated by the Institute of Education, HSE), its respondents being 3751 Bachelor's degree students and 1147 Master's degree students from 25 Russian universities. The importance of analysing students' academic mobility, the organizational and financial measures taken to support it is proved by its increasing development. The purpose of this article is to identify management problems in the implementation of student mobility. Student mobility as a phenomenon is considered in two aspects: internationalization of education and students' activity in building the trajectory of their professional development. Interpreting respondents' answers, analysing government documents and university regulations made it possible to distinguish student mobility resources and management problems. The resources of student mobility include: state and non-state financial support for academic mobility, organizational and financial resources of universities, students' activity in the sphere of their professional development. The academic mobility deterrents are: gaps in university regulation, limited financial resources, lacking readiness of the educational environment to implement incoming international students' mobility. The study revealed the students' professional activity and mobility, which are not taken into account within the educational process. As the authors conclude, it is necessary to create an «international environment» for international students' integration in Russian education; to develop normative support of incoming and outgoing academic mobility; to organize a new scenario of university interaction with working students. The article may be of interest to the leaders of Russian universities.

Keywords: academic mobility of students, internationalization of universities, mobility support, competitiveness, individual trajectory of students' professional development.

Acknowledgements. The project is implemented by the winner of the Vladimir Potanin Scholarship Program of the Vladimir Potanin Foundation.

For citation: Emelyanova I. N., Teplyakova O. A., Teplyakov D. O. Mobility of Russian University Students as a Phenomenon and a Management Problem. *University Management: Practice and Analysis*, 2020; 24 (2): 131–144. DOI: 10.15826/umpa.2020.02.019. (In Russ.).

Введение

Мобильность студентов как новое развивающееся явление существенно меняет рисунок образовательной среды высшей школы. В системе управления вузом появляются новые задачи, вызванные возникающими противоречиями при реализации студенческой мобильности:

- готовность студентов проявлять мобильность позволяет вузам формировать качественный студенческий микс, но при этом обостряется конкурентная борьба за студентов;

- формируется новая образовательная среда, ориентированная на потребности студентов, в том числе и иностранных, но при этом требуются дополнительные организационные, финансовые и кадровые ресурсы, необходима нормативно-правовая поддержка для сопровождения студенческой мобильности;

- включение в различные формы мобильности способствует развитию у студентов позиции субъекта, формирует у них способность к постановке задач, связанных с построением индивидуальной

траектории личностного и профессионального развития, но при этом ориентировка на запросы студентов требует мобильной среды, усложняет управление образовательным процессом.

Общая рамка исследования

Данное в рекомендациях Комитета Министров Совета Европы (Committee of Ministers of the Council of Europe) понятие академической мобильности подразумевает период обучения, преподавания и/или исследования в иной стране, чем страна постоянного проживания. Данный период имеет ограниченный срок действия и предполагает возвращение преподавателя, ученого или студента в свою страну после завершения обозначенного периода. Таким образом, в международных документах академическая мобильность понимается только как международное перемещение студента или преподавателя, не предполагающее миграции из одной страны в другую.

Понятие же студенческой мобильности значительно шире. Отечественные исследователи

студенческую мобильность рассматривают как «любой период обучения, преподавания или исследования, проведенный студентом или преподавателем в другом вузе, отличном от их места учебы или работы, как за рубежом, так и в родной стране» [1, с. 62]. Мобильность рассматривается также как интегральное качество личности, которое формируется в процессе деятельности и выражается в способности личности к изменениям [2, 3].

В рамках нашего исследования мы остановимся на трех аспектах студенческой мобильности:

- 1) интернационализация образования как новый тренд образовательной политики;
- 2) академическая мобильность студентов: возможности и реальность;
- 3) профессиональная мобильность как интегральное качество субъекта образования.

Исследуя студенческую мобильность как явление и управленческую проблему, мы обратились к федеральным программам развития образования, анализ которых позволил нам выявить общие тенденции в динамике мобильности студентов российских вузов. Нами также рассматривались локальные акты 25 российских вузов (список вузов приведен в Приложении). Исходя из обзора локальных актов этих образовательных организаций, мы определили общие затруднения вузов в сфере реализации программ мобильности студентов.

Анализ федеральных и государственных документов был дополнен анализом результатов опроса студентов бакалавриата и магистратуры. Опрос был осуществлен в онлайн-формате через google-опрос в 2019 году в рамках проекта «Рождение российской магистратуры», инициированного Институтом образования НИУ ВШЭ.

Цель опроса заключалась в выявлении социальных эффектов магистратуры. Мобильность студентов рассматривалась в качестве одного из контекстов успешности функционирования программ магистратуры. Всего опрошено 4898 студентов, из них обучающихся по программе бакалавриата – 3 751 человек, по программе магистратуры – 1 147 человек.

Интернационализация образования как новый тренд образовательной политики

«Интернационализация высшей школы – это процесс, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение» [4, с. 12].

Студенческая мобильность становится значимой строкой в бюджете принимающей страны. «Международный рынок образовательных услуг превращается в стремительно развивающийся сектор экономики, центральными элементами которого являются международный маркетинг образовательных учреждений и целенаправленный набор иностранных студентов» [5, с. 20]. Международный набор студентов рассматривается вузами не только как источник дополнительных денег, но и как возможность повысить привлекательность глобального образовательного бренда университета, что также имеет экономическую ценность [6].

Студенческая мобильность – это по сути «политика мягкой силы», которая обеспечивает реализацию долгосрочных политических целей через подготовку «квалифицированных кадров и будущих представителей национальных политических элит, формирования у них в ходе образовательной коммуникации установок на сотрудничество и лояльность» [7, с. 100]. Исследователи отмечают более высокий индекс развития демократии в тех странах, в которых большее число студентов участвует в исходящей мобильности в Европу и США, что служит свидетельством распространения европейских ценностей [8].

Также зарубежные исследователи проследили тесную связь между международным образованием и туризмом и выяснили, что иностранные студенты оказывают сильное влияние на индустрию туризма в стране своего пребывания (Visiting Friends and Relatives tourism, VFR-tourism) [9].

Для российских вузов установлены такие показатели конкурентоспособности, как процент поступивших на обучение иностранных студентов, процент российских студентов, обучающихся за рубежом не менее семестра, и др. Отчет по показателям студенческой мобильности российские вузы предоставляют в Министерство науки и высшего образования России ежегодно. Аналитические данные публикуются на официальном сайте мониторинга эффективности вузов (www.miccedu.ru). Например, с 2014 года по 2017 год в федеральных целевых программах развития образования планировался динамичный рост исходящей мобильности российских студентов: к 2020 году доля студентов, прошедших в течение учебного года обучение за рубежом не менее одного семестра, должна была возрасти до 6%.

Из числа высших учебных заведений, включенных в Проект 5-100 (всего 21 вуз), только два вуза имеют показатель исходящей мобильности студентов в расчете на семестр выше трех

процентов: Сибирский федеральный университет (3,87%) и МИФИ (3,47%); шесть вузов имеют показатель мобильности студентов на семестр от 1 до 1,5%; у тринадцати вузов показатель мобильности варьируется от 0,03 до 0,6%¹. В вузах, не входящих в Проект 5-100 и не относящихся к небольшому количеству ведущих вузов России, показатель мобильности студентов равен 0% или к нему стремится.

Данные проведенного в рамках проекта опроса по входящей мобильности следующие: из числа студентов бакалавриата приехали учиться в российские вузы из-за рубежа 1,6%; из числа магистрантов поменяли страну 2,3%. Таким образом, результаты опроса не противоречат общей картине, показанной в официальных источниках. Они находятся в диапазоне общих по России данных.

Международная среда вузов, студенты которых участвовали в опросе, представлена студентами из Абхазии, Анголы, Афганистана, Беларуси, Бенина, Бразилии, Вьетнама, Египта, Индии, Индонезии, Ирака, Казахстана, Камеруна, Киргизстана, Китая, Колумбии, Марокко, Мексики, Молдовы, Нигерии, Сирии, Таджикистана, Туркменистана, Турции, Узбекистана, Украины, Франции, Чехии, Эквадора.

Важной управленческой задачей в условиях завоевания достойного места на рынке образовательных услуг является формирование и поддержание бренда вуза. Исследования показывают, что абитуриентам важно, «чтобы вуз располагался в крупной агломерации, а также имел особый статус» [10, с. 69]. При выборе вуза абитуриенты обращают также внимание на «качество образовательных услуг, имидж вуза, ассортимент образовательных услуг, цену образовательных услуг, сервис» [11, с. 186]. Осложняет ситуацию подвижность и неустойчивость предпочтений абитуриентов. Для поддержания конкурентной позиции в сфере привлечения студентов требуются регулярные маркетинговые исследования рынка, формирование на основе полученных данных ассортимента образовательных продуктов, обеспечение маркетинговых коммуникаций (реклама, продажи и др.).

Мобильность студентов стимулируется различными международными программами. Многие страны заключают двусторонние

¹ См.: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования // Информационная система анализа динамики индикаторов в сфере высшего и среднего профессионального образования. URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/> (дата обращения 12.02.2020).

и многосторонние соглашения в этой области. Наиболее известные европейские программы – «Эразмус», «Сократ», «Нордплюс» и другие, которые направлены на создание европейской модели высшего образования. По данным программам вузы стран получают финансирование. Деньги выделяются как на студентов из данной страны, так и на граждан стран, объединенных данным договором. К примеру, в общеевропейской программе «Эразмус» в 2017 году приняли участие 1 677 российских студентов и преподавателей; в 2016 году – 1 572 студента и преподавателя; в 2015 году – 1 238 студентов и преподавателей².

Популярным фондом, финансирующим академическую мобильность, является Deutscher Akademischer Austauschdienst (DAAD) – Германская служба академических обменов. Данный фонд поддерживает учебные поездки за границу, стажировки, языковые курсы, летние школы и многое другое. Немецкий фонд DAAD на сайте декларирует более 17 тысяч программ на немецком и английском языках для обучения студентов в Германии. Фонд выплачивает средства на содержание иностранных студентов³. Фонд Fulbright работает с магистрами, аспирантами, преподавателями и учеными. Создан в 1946 году, с 1973 года предоставляет гранты для российских соискателей с целью укрепления сотрудничества между Россией и США. Финансируется Госдепартаментом США⁴. Вышеградский фонд является международной донорской организацией, созданной в 2000 году правительствами стран Вышеградской группы – Чехии, Венгрии, Польши и Словакии для содействия региональному сотрудничеству в Вышеградском регионе, и другими странами, особенно в регионах Западных Балкан и Восточного партнерства. Фонд делает это, выделяя 8 миллионов евро в виде грантов и стипендий. Другие страны-доноры (Германия, Канада, Нидерланды, США, Швейцария, Швеция, Южная Корея) предоставили еще 10 миллионов евро⁵.

² См.: Основные данные по участию России в Erasmus+: Erasmus+ for higher education in Russia // An official website of the European Union : [сайт]. URL: https://ec.europa.eu/assets/eac/erasmus-plus/factsheets/neighbourhood/erasmusplus_russia_2017.pdf (дата обращения: 12.02.2020).

³ См.: Образовательные программы в Германии. DAAD Россия Германская служба академических обменов : [сайт]. URL: <https://www.daad.ru/ru/ucheba-i-nauka-v-germanii/ucheba-v-germanii/obrazovatelnye-programmy/> (дата обращения: 12.02.2020).

⁴ См.: Программа Фулбрайта в Российской Федерации // Fulbright : [сайт]. URL: <https://www.fulbright.ru/fulbright-program-mission/> (дата обращения: 12.02.2020).

⁵ См.: Официальный сайт Вышеградского фонда // Visegrad fund : [сайт]. URL: <https://www.visegradfund.org/about-us/the-fund/> (дата обращения: 12.02.2020).

Российские фонды поддержки академической мобильности лимитированы. Так, стипендия Президента Российской Федерации для обучения за рубежом ежегодно выдается 60 аспирантам и 40 студентам, обучающимся по очной форме за счет бюджетных ассигнований⁶.

Согласно показателям программы «Глобальное образование» за 2014–2016 годы квоты на обучение в ведущих иностранных образовательных организациях по приоритетным для российской экономики специальностям и направлениям подготовки выделены не менее чем 1 500 гражданам Российской Федерации⁷, был достигнут результат по обучению 718 человек в ведущих зарубежных вузах. Программа продлена до 2025 года.

Общая численность студентов в российских вузах в 2017 и 2018 годах составляла 4,2 миллиона человек⁸. Финансовая поддержка академической мобильности вышеуказанными российскими программами предоставлялась приблизительно 0,05% студентов, то есть каждому двухтысячному студенту.

Помимо международных и государственных программ мобильность студентов также поддерживают вузы и негосударственные фонды. В целом масштаб академической мобильности можно оценить по статистике, представленной в рамках мониторинга эффективности деятельности организаций высшего образования⁹.

Интернационализация высшего образования – это процесс систематической интеграции в его международной составляющей. В связи с этим усложняются управленческие связи, появляются новые структуры, предназначенные

для сопровождения иностранных студентов. Трудности интернационализации обусловлены спецификой миграционного учета, слабым знанием языка принимающей страны, организацией досуга и быта, с готовностью предприятий принимать иностранных стажеров на практику, с построением индивидуальной образовательной траектории. Большинство этих трудностей не являются специфичными для России, они «характерны для всех европейских стран» [12, с. 60].

Факторы, значимые для студентов при обучении в зарубежном вузе, таковы: «наличие системы адаптации, в принимающем вузе для иностранных студентов; уровень компетентности преподавателей; финансовые расходы; качественная информированность иностранных студентов по основным вопросам, связанным с обучением и нахождением в данной стране; наличие стипендии на обучение от принимающего университета, а также присутствие в программе обучения командной проектной работы» [13, с. 100].

Для решения этих проблем нужны службы поддержки. По сути дела, требуется создание «интернациональной среды» [14]. А это уже особое качество деятельности. Интернационализация предполагает «реформу программ и учебных планов, сотрудничество в научно-исследовательской сфере через сети и ассоциации, открытое и дистанционное обучение без границ, региональное и зарубежное сотрудничество институтов, международное разделение труда и другие виды деятельности» [15, с. 6].

Академическая мобильность студентов: возможности и реальность

Практика обучения в университетах другой страны началась еще со Средневековья. Возможность обучаться в зарубежном вузе основана на таком явлении, как коммуникация и обмен между разделенными народами. В связи с присоединением России к Болонскому процессу международная мобильность студентов стала новой политикой и практикой отечественных вузов.

Мобильность студентов как явление, связанное с перемещением в другой город или страну, вызвана как объективными обстоятельствами (неоднородность образовательного пространства регионов), так и субъективными (какой-либо особый интерес). В целом по стране наблюдается «западный дрейф»: столичные вузы становятся центром притяжения для абитуриентов со всей России. Причины очевидны: в Ненецком, Ямало-Ненецком, Чукотском автономных округах

⁶См.: Распоряжение Президента РФ от 6 сентября 1993 года № 613-рп «Об утверждении Положения о стипендиях Президента Российской Федерации» // Президент России : официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/4301> (дата обращения: 12.02.2020).

⁷См.: Постановление Правительства РФ от 20 июня 2014 года № 568 «О мерах по социальной поддержке граждан Российской Федерации, самостоятельно поступивших в ведущие иностранные образовательные организации и обучающихся в них по специальностям и направлениям подготовки, качество обучения по которым соответствует лучшим мировым стандартам, и по обеспечению их трудоустройства в организации, зарегистрированные на территории Российской Федерации, в соответствии с полученной квалификацией» // Государственная программа «Глобальное образование». URL: http://educationglobal.ru/fileadmin/downloads/Resolution_Government_N568_20june2014.pdf (дата обращения: 12.02.2020).

⁸См.: Характеристика системы высшего образования // Мониторинг эффективности деятельности организаций высшего образования. URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo> (дата обращения: 12.02.2020).

⁹См.: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования // Мониторинг эффективности деятельности организаций высшего образования. URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/> (дата обращения: 12.02.2020).

отсутствуют головные высшие учебные заведения, в то время как в Москве «располагаются 21 % всех вузов России, 8 % в Санкт-Петербурге» [16, с. 7]. Подкрепляются естественные миграционные потоки введением системы ЕГЭ, которая обеспечила возможность подавать документы дистанционно в несколько вузов страны.

Проведенное в рамках проекта «Рождение российской магистратуры» исследование показало: 22 % студентов бакалавриата сменили город ради обучения в интересующем их вузе. Готовность к смене места жительства с целью поступления в магистратуру выразили 66 % будущих бакалавров. Это, безусловно, показатель высокой готовности проявлять образовательную мобильность.

Картина мобильности студентов бакалавриата и магистратуры по результатам проведенного нами опроса представлена на рис. 1 и 2.

По нашим данным, входящая мобильность (как международная, так и внутри страны) выше в вузах европейской части России. По числу обучающихся в бакалавриате и магистратуре зарубежных студентов лидируют Центральный и Приволжский федеральные округа. Наиболее

высокие показатели перемещения студентов внутри страны – в Уральском федеральном округе. Менее востребованным с точки зрения входящей мобильности оказался Сибирский федеральный округ.

Академическая мобильность студентов способствует интеграции университета в международное образовательное пространство, что позволяет в дальнейшем развивать совместные образовательные проекты, а также содействует коммерциализации разработок на международном уровне.

За последнее время отечественные вузы предприняли определенные усилия для достижения исходящей академической мобильности студентов. Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет только общие положения о международной деятельности и предоставляет вузам полное право самостоятельно создавать механизмы студенческой академической мобильности и перезачета результатов обучения студентов за рубежом.

Анализ форм академической мобильности студентов в рамках проведенного опроса представлен на рис. 3.

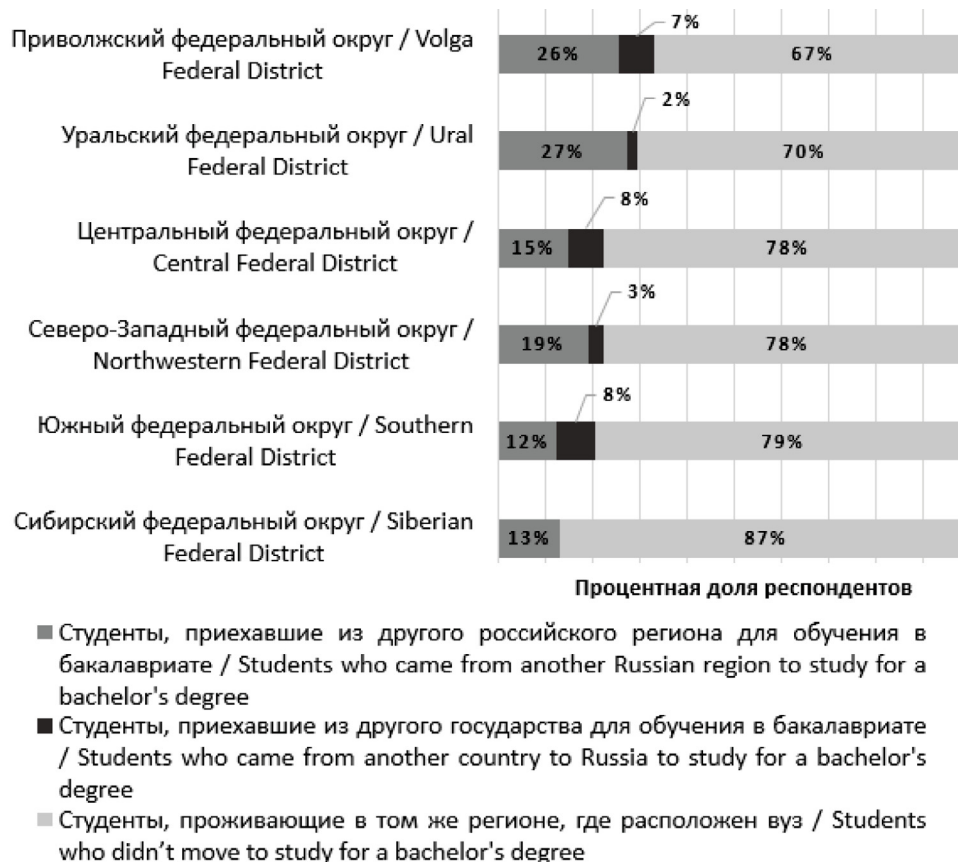

Рис. 1. Входящая мобильность опрошенных студентов бакалавриата, ранжированная по федеральным округам, данные за 2019 год

Fig. 1. Incoming mobility of bachelor's degree students by federal districts of the Russian Federation

Рис. 2. Входящая мобильность опрошенных студентов магистратуры, ранжированная по федеральным округам, данные за 2019 год

Fig. 2. Incoming mobility of master's degree students by federal districts of the Russian Federation

Рис. 3. Формы мобильности опрошенных российских студентов, данные за 2019 год

Fig. 3. Forms of Russian students' mobility (2019)

Анализ результатов опроса показал: основная доля студенческой активности приходится на конференции в другом вузе российского региона. Имеют место практика обучения в другом российском вузе в течение семестра, участие в проектах, реализуемых совместно с другими вузами России. Единичными остаются стажировки, участие в конференциях и в проектах зарубежных вузов.

По данным проведенного исследования, 13 % преподавателей, отвечая на вопрос: «Предлагается ли вашим студентам возможность стажировки за рубежом?» – отвечают, что такая возможность существует для всех обучающихся; 34 % преподавателей отметили, что такая возможность предоставляется на конкурсной основе. Судя по ответам респондентов, стажировкой в зарубежном вузе воспользовались только 5 % студентов, обучающихся в магистратуре.

Одним из принципиальных факторов мобильности является финансовая затратность: реализация любой формы мобильности, связанной с реальным перемещением, требует дополнительных ресурсов. Такими ресурсами должны обладать и вуз, и сами студенты. Из общего контингента опрошенных нами студентов бакалавриата к обеспеченным (имеющим свободные финансовые ресурсы) себя относят 7,9 %. Среди студентов магистратуры таких оказалось 5,2 %. Это те, кто может себе позволить что-то сверх жизненно необходимого.

Проблемой является проработанность организационно-нормативных механизмов поддержки студенческой мобильности. Анализ нормативных актов 25 российских вузов, студенты которых участвовали в опросе, показал наличие нерешенных проблем. Это такие проблемы, как отсутствие механизмов учета несовпадающих сроков семестра и промежуточной аттестации в России и за рубежом; отсутствие механизмов включения результатов обучения в зарубежном вузе в диплом о высшем образовании; отсутствие персональной ответственности за перезачет учебных дисциплин; неразграниченность компетенций между профессорско-преподавательскими и учебно-вспомогательными подразделениями вуза.

Отсутствие понятной процедуры перезачета дисциплин неизбежно приводит студента к столкновению с проблемой реализации своего права на образование.

Исследователи видят проблему «в unplanned характере студенческой мобильности», нехватке специалистов, «недостаточном количестве и качестве совместных программ», что снижает эффективность сотрудничества [17, с. 75].

Имеет место и еще одна принципиальная проблема. Получение в дипломе отметки о прохождении стажировки за рубежом в период обучения не становится принципиальным фактором для устройства на работу после окончания вуза. Полученные выгоды от мобильности превысили ожидания у большинства студентов, по некоторым пунктам – до 70 процентов [17]. Однако работодатели, как правило, стремятся свести к минимуму риск найма «неправильного» человека и предпочитают наем выпускников с образованием, с которым они знакомы, что является распространенной стратегией «играть безопасно» [18].

Политика поддержки и сопровождения студенческой мобильности требует задействовать всю совокупность управленческих инструментов: экономических (поиск финансовых ресурсов обеспечения входящей и исходящей мобильности); социокультурных (формирование интернациональной среды); организационных (создание необходимых структур, нормативных актов, распределение функций и ответственности).

Профессиональная мобильность как интегральное качество субъекта образования

Результатом образовательной политики, направленной на поддержку и сопровождение студенческой мобильности, является выпуск из стен вуза специалистов, «готовых к изменениям». Именно в таких специалистах и нуждается наше государство, поскольку «только такие специалисты могут успешно реализовать в современном обществе его модернизацию, а также обеспечить его стабильное развитие и интеграцию в мировое образовательное пространство» [19, с. 91]. Такое интегральное качество, как мобильность формируется на всех этапах обучения и позволяет личности самостоятельно ставить опережающие задачи, продвигаться в области своего профессионального развития.

Как показало наше исследование, студенты осознают значимость такой составляющей личностного образования, как мобильность. Отвечая на вопрос о своих ожиданиях от обучения, большинство студентов включают мобильность в перечень тех личностных качеств, которые должны быть полностью или в определенной степени сформированы в период профессионального обучения (рис. 4).

Естественно предположить, что задачи, которые ставят перед собой студенты по отношению

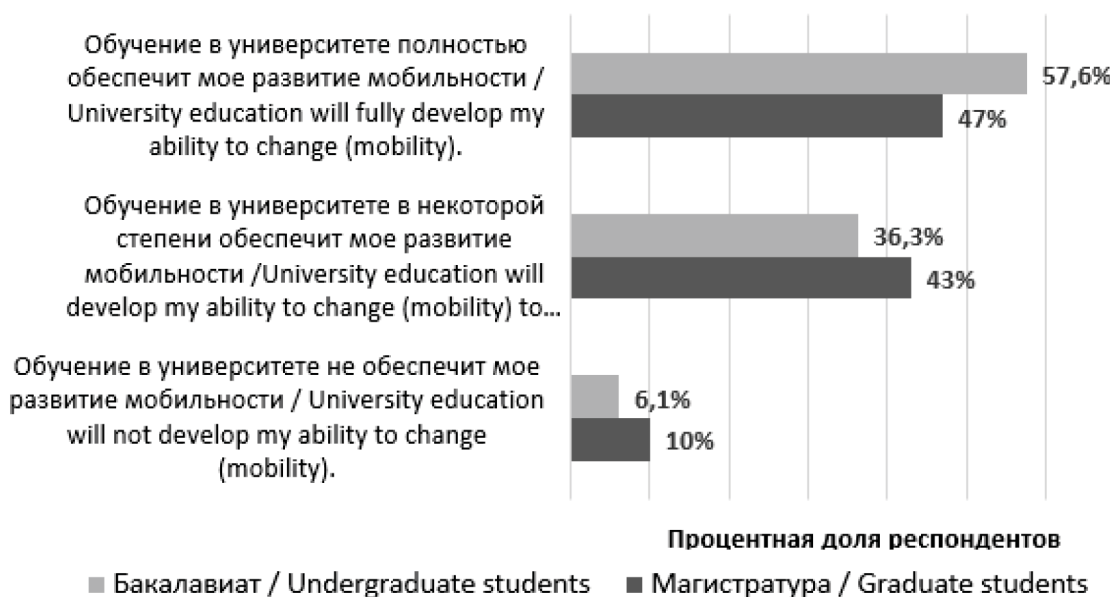

Рис. 4. Представления опрошенных студентов о возможности сформировать мобильность в период обучения в вузе, данные за 2019 год

Fig. 4. Students' expectations about the possibility of forming their mobility when studying at the university (2019)

к своему профессиональному будущему, будут разными. Проиллюстрируем нашу мысль на материалах проведенного опроса. Ответы студентов на вопрос о задачах, которые они планировали решать, поступая в магистратуру, разделились на четыре группы.

1. Задачи вертикальной мобильности (трудоустройство, расширение возможностей для карьерного роста, расчет на более высокую зарплату, хорошие условия труда).

2. Задачи горизонтальной мобильности (получение образования по другому направлению подготовки).

3. Задачи саморазвития (самореализация).

4. Задачи, не связанные с профилем магистерской программы (спонтанный выбор, избегание неприятной ситуации, например призыва в армию).

На рис. 5 представлены систематизированные ответы респондентов на вопрос о причинах поступления в магистратуру. Опрошенных магистрантов мы условно разделили две группы: в первую группу вошли те, кто поступил в магистратуру сразу после завершения бакалавриата (специалитета), во вторую – те, кто сделал свой выбор спустя год, пять, десять лет и более.

Сравнение ответов респондентов двух групп показало, что более остро задачи вертикальной мобильности (карьерный рост, высокая зарплата, аспирантура) стоят у тех, кто только завершил обучение и еще не успел примерить на себя профессиональную деятельность.

Реализация задач саморазвития более актуальна для тех, кто уже столкнулся с профессиональной деятельностью. Четверть респондентов, пришедших в магистратуру спустя определенное время после обучения, ставят перед собой задачи, связанные с самореализацией.

Горизонтальная мобильность более актуальна для респондентов второй группы, для тех, кто имел время на осмысление своего профессионального выбора после завершения обучения. Из числа респондентов, пришедших в магистратуру спустя год и более, 27% имеют цель сменить профессию. Сменить профиль подготовки в момент завершения обучения готово существенно меньшее число выпускников бакалавриата.

Развитию профессиональной мобильности способствует совмещение обучения с работой. По данным нашего исследования, учатся в магистратуре и одновременно работают 82% опрошенных магистрантов. Ситуация вряд ли будет меняться, так как 87% студентов бакалавриата планируют совмещать обучение в магистратуре с работой. Работающий студент – это распространенное явление не только в России, но и за рубежом. Совмещение учебы с работой, по мнению зарубежного исследователя Элифа Кескинера, обеспечивает значительные преимущества для перехода от обучения к работе, позволяет студентам «развивать культурный и социальный капитал» [20, р. 74].

Работающий студент – это субъект, который «реализует, выражает, утверждает, воплощает

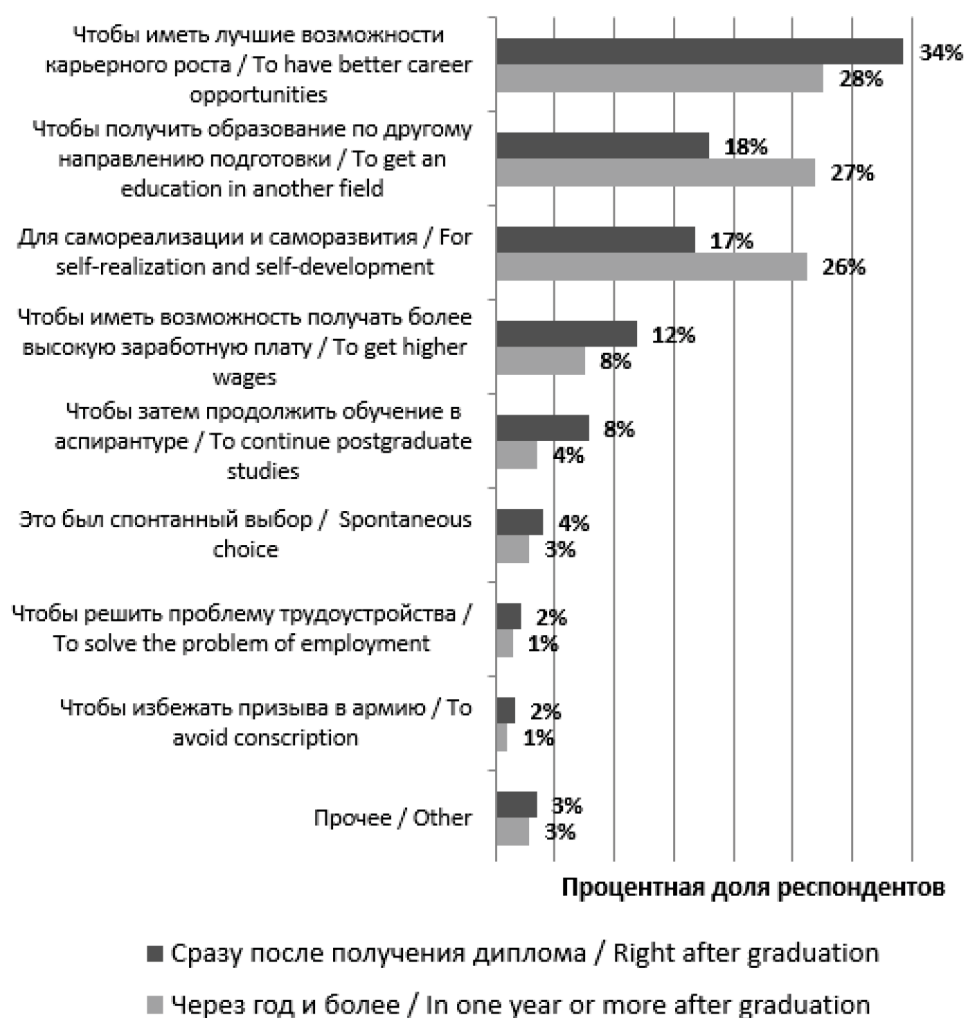

Рис. 5. Причины поступления в магистратуру опрошенных выпускников бакалавриата и специалитета, данные за 2019 год

Fig. 5. Reasons to Pursue a Master's Degree (2019)

себя», не только отвечая на требования ситуации, «а в порядке встречного, противостоящего, преобразующего ситуацию и саму жизнь отношения – своего решения» [21, с. 102].

Очевидно, что в одной аудитории собираются студенты не только с разными образовательными запросами, но и с разным опытом вхождения в профессию. У обучающихся разная готовность к потреблению образовательных услуг, они в разной степени способны выстраивать свою траекторию личностного и профессионального развития.

Можно смело предположить, что те, кто решил сменить профессию, завершая обучение в бакалавриате, скорее всего, только условно готовы сформулировать свой образовательный запрос к магистерской программе. Те же, кто уже несколько лет в профессии и намерены в ней оставаться, развиваясь дальше, так или иначе представляют результат собственных усилий по овладению образовательной программой. «Трудовая

деятельность студентов по приобретаемой специальности способствует становлению их профессиональной идентичности» [22, с. 72].

Расширение практики совмещения работы с учебой в магистратуре выводит на повестку дня задачу успешного завершения образовательной программы. Профессиональная занятость становится существенным препятствием к освоению образовательной программы. Данная проблема обсуждается как в отечественных, так в зарубежных исследованиях: «трудоустройство студентов оказалось физически и умственно очень требовательным для многих респондентов и часто наносило ущерб их учебе» [20, с. 73].

Сложность составляет отсутствие студентов на занятиях. Часть студентов, закончив бакалавриат и поступив в магистратуру, просто не может приступить к обучению в силу своей зависимости от работодателя. При этом данные исследований говорят, что профессиональная занятость

студентов «приводит лишь к незначительному снижению их успеваемости» и, в конечном счете, свидетельствует «о невысоком качестве получаемого образования» [23, с. 175]. Решение задачи завершения образования зачастую реализуется за счет снижения требований к нему.

В настоящее время в вузах осуществляется единый подход к студентам, вне зависимости от их опыта, профессиональной занятости, сформированности профессиональных интересов. Такая ситуация должна меняться.

Совмещение обучения с профессиональной деятельностью требует более мобильной образовательной среды. Мобильная образовательная среда должна обеспечивать условия для развития имеющегося у студента потенциала. В процессе обучения должен обогащаться ролевой репертуар студента методической, управленческой, аналитической, научно-исследовательской деятельности и в других видах деятельности.

Необходимо искать новые формы обучения с учетом профессиональной мобильности студентов. Обучение должно способствовать обогащению профессионального развития. Нужно, чтобы для работающих студентов мерилом качества образовательной программы являлось формирование способности решать новые профессиональные задачи. Построение траектории личностного и профессионального развития требует квалифицированной помощи и сопровождения, что обуславливает необходимость выделения дополнительных управленческих ресурсов.

Выводы

1. Мобильность студентов – это явление, которое получило новое развитие в практике управления российскими вузами после вступления России в Болонский процесс. Мобильность студентов выступает условием сохранения конкурентоспособности вуза как на российском рынке образовательных услуг, так и на международном.

2. Понятие «мобильность» имеет широкий контекст и рассматривается учеными как перемещение субъектов образовательного процесса из одной страны в другую на определенный период; как та или иная форма академической активности внутри страны, выходящая за пределы своего вуза; как интегральное качество личности, которое проявляется в ее готовности к изменениям.

3. Современная ситуация характеризуется высокой готовностью молодежи к смене места жительства с целью получения качественного образования. Данная готовность – следствие

неоднородности российского рынка образовательных услуг. По результатам проведенного исследования центром притяжения студентов являются Центральный, Приволжский и Уральский федеральные округа. Основную ставку отечественные вузы делают на контингент своего региона.

4. В сфере реализации академической мобильности государством принимаются следующие меры: разрабатываются государственные программы, учреждаются фонды поддержки, ведется государственный контроль и мониторинг международной мобильности студентов. Сдерживающими факторами в развитии академической мобильности сегодня являются пробелы в нормативном сопровождении, в организационной поддержке пребывания иностранных студентов в вузе, ограниченные финансовые ресурсы как вузов, так и студентов.

5. Основная доля студенческой активности приходится на конференции в другом вузе российского региона. Стажировки и участие в проектах в зарубежном вузе остаются единичными. При этом возможности для студенческой мобильности, которые может предоставить вуз, значительно шире тех, которыми реально воспользовались студенты.

6. Профессиональная мобильность как интегральное качество личности обозначила новый спектр управленческих проблем. Работающий студент способен формировать встречный запрос к образованию, но в то же время профессиональная занятость приводит к сложностям в освоении образовательной программы. Такая ситуация требует более мобильной образовательной среды, в то время как среда современного вуза остается ригидной. Задача успешного завершения образовательной программы отдается на откуп преподавателю и студенту и решается большей частью за счет снижения требований к получаемым знаниям и умениям.

7. Политика поддержки и сопровождения студенческой мобильности требует задействовать всю совокупность управленческих инструментов и направить усилия:

- на формирование конкурентного преимущества на рынке образовательных услуг для привлечения студентов с высоким интеллектуальным потенциалом;
- создание «интернациональной среды» для интеграции иностранных студентов в российское образование;
- формирование механизмов организационно-нормативного сопровождения академической мобильности;

— организацию нового сценария взаимодействия вуза с работающими студентами, проявляющими профессиональную мобильность в период обучения в вузе.

Список литературы

1. Теплякова О. А. Академическая мобильность как платформа для развития российско-скандинавских отношений // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 11А. С. 58–68. DOI: org/10.24158/tipor.2017.5.13.
2. Бвуралева В. Г. Профессиональная мобильность как интегральное качество личности современного специалиста // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 4 (13). С. 70–73.
3. Игошев Б. М. Сущностно-логический анализ мобильности как межнаучного понятия // Педагогическое образование в России. 2014. № 1. С. 105–111.
4. Филиппов В. М., Краснова Г. А. Управление процессом интернационализации в вузе: опыт Российского университета дружбы народов // Университетское управление: практика и анализ. 2010. № 3. С. 12–15.
5. Сагинова О. В. Интернационализация высшего образования как фактор конкурентоспособности // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2004. № 1. С. 15–25.
6. Brooks R. Higher Education Mobilities: a Cross-National European Comparison // Geoforum. 2018. Vol. 93. P. 87–96. URL: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.05.009> (дата обращения: 06.06.2020).
7. Вершинина И. А., Курбанов А. Р., Панич И. А. Иностранные студенты в России: особенности мотивации и адаптации // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6 (106). С. 94–102.
8. Chankseliani M. The Politics of Student Mobility: Links between Outbound Student Flows and the Democratic Development of Post-Soviet Eurasia // International Journal of Educational Development. 2018. Vol. 62. P. 281–288. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2018.07.006> (дата обращения: 06.06.2020).
9. Trana M., Mooreb K., Shonec M. Interactive Mobilities: Conceptualising VFR Tourism of International Students // Journal of Hospitality and Tourism Management. 2018. Vol. 35. P. 85–91. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jhtm.2018.04.002> (дата обращения: 06.07.2020).
10. Модернизация и инновационное развитие экономических систем : [коллективная монография] / под общей редакцией В. М. Матюшка. Москва : Изд-во Российского университета дружбы народов, 2014. 580 с.
11. Савенкова Ю. С., Советкина А. А. Управление конкурентоспособностью вуза в современных социально-экономических условиях // Вопросы образования. 2009. № 4. С. 182–199.
12. Возможности международных партнерств и инициатив в привлечении иностранных студентов / Е. В. Васьурин, О. А. Вершинина, Я. Ш. Евдокимова, О. Н. Олейникова // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6 (106). С. 54–63.
13. Пимонова С. А., Фомина Е. М. Международная студенческая мобильность как элемент интернацио-

нализации образования // Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. 23, № 4. С. 91–103.

14. Диброва М. И., Кабанова Н. М. Изменения в структуре вуза как следствие интернационализации образования // Университетское управление: практика и анализ. 2004. № 2. С. 58–60.

15. Веселовский М. Я., Семеняк О. В. Развитие рынка образовательных услуг высшей школы в условиях формирования единого образовательного пространства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 3 (17). С. 5–9.

16. Габдрахманов Н. К., Никуфорова Н. Ю., Лешуков О. В. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России / НИУ ВШЭ, Институт образования. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 48 с.

17. Мартыненко О. О., Жукова Н. В. Управление академической мобильностью в вузах // Университетское управление: практика и анализ. 2008. № 1 (53). С. 65–75.

18. Nordic Students Abroad. Student Mobility Patterns, Student Support Systems and Labor Market Outcomes / Miia Saarikallio-Torp, Janneke Wiers-Jenssen (eds.). Sastamala : Vammalan Kirjapaino Oy, 2010. 152 p. URL: <https://core.ac.uk/reader/14913436> (дата обращения: 06.06.2020).

19. Зеер Э. Ф., Морозова С. А., Сыманюк Э. Э. Профессиональная мобильность – интегральное качество субъекта инновационной деятельности // Педагогическое образование в России. 2011. № 5. С. 90–97.

20. Keskiner E. Blurring of the Transition Point: Combining Work and Study // Youth Transitions among Descendants of Turkish Immigrants in Amsterdam and Strasbourg. Springer, 2019. P. 53–76. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-11790-0_3.

21. Абульханова-Славская К. А. Диалектика человеческой жизни. Москва : Мысль, 1977. 224 с.

22. Кениг В. А. Становление профессиональной идентичности студентов, работающих по специальности // Новые педагогические исследования. 2007. № 6. С. 64–73.

23. Роцин С. Ю., Рудаков В. Н. Совмещение учебы и работы студентами российских вузов // Вопросы образования. 2014. № 2. С. 152–179.

References

1. Teplyakova O. A. Akademicheskaya mobil'nost' kak platforma dlya razvitiya rossiisko-skandinavskikh otnoshenii [Academic Mobility as a Platform for the Development of Russian-Scandinavian Relations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2016, vol. 6, no. 11A, pp. 58–66. DOI: org/10.24158/tipor.2017.5.13. (In Russ.).
2. Bvuraeva V. G. Professional'naya mobil'nost' kak integral'noe kachestvo lichnosti sovremennogo specialist [Professional Mobility as an Integral Quality of Personality of a Modern Specialist]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2015, no. 4 (13), pp. 70–73. (In Russ.).
3. Igoshev B. M. Sushchnostno-logicheskii analiz mobil'nosti kak mezhnauchnogo ponyatiya [Essential and Logical Analysis of Mobility as an Interscientific Notion]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2014, no. 1, pp. 105–111. (In Russ.).
4. Filippov V. M., Krasnova G. A. Upravlenie protsesom internatsionalizatsii v vuze: opyt Rossiiskogo

universiteta družby narodov [The Management of the Processes of Internalization of Higher Education: Experience of the Peoples' Friendship University of Russia]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2010, no. 3, pp. 12–15. (In Russ.).

5. Saginova O. V. Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya kak faktor konkurentosposobnosti [Internationalization of Higher Education as a Factor of Competitiveness]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova*, 2004, vol. 1, pp. 15–25. (In Russ.).

6. Brooks R. Higher Education Mobilities: a Cross-National European Comparison. *Geoforum*, 2018, vol. 93, pp. 87–96, available at: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.05.009> (accessed 06.06.2020). (In Eng.).

7. Vershinina I. A., Kurbanov A. R., Panich I. A. Inostrannye studenty v Rossii: osobennosti motivatsii i adaptatsii [Foreign Students in Russia: Features of Motivation and Adaptation]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2016, no. 6 (106), pp. 94–102. (In Russ.).

8. Chankseliani M. The Politics of Student Mobility: Links between Outbound Student Flows and the Democratic Development of Post-Soviet Eurasia. *International Journal of Educational Development*, 2018, vol. 62, pp. 281–288, available at: <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2018.07.006> (accessed 06.06.2020). (In Eng.).

9. Trana M., Mooreb K., Shonec M. Interactive Mobilities: Conceptualising VFR Tourism of International Students. *Journal of Hospitality and Tourism Management*, 2018, vol. 35, pp. 85–91, available at: <https://doi.org/10.1016/j.jht.2018.04.002> (accessed 06.06.2020). (In Eng.).

10. Matyushok V. M. (ed.). Modernizatsiya i innovatsionnoe razvitie ekonomicheskikh sistem [Modernization and Innovative Development of Economic Systems], Moscow, Peoples' Friendship University of Russia, 2014, 580 p. (In Russ.).

11. Savenkova Yu. S., Sovetkina A. A. Upravlenie konkurentosposobnost'yu vuza v sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh [Managing the Competitiveness of a University in Modern Socioeconomic Environment]. *Voprosy obrazovaniya*, 2009, no. 4, pp. 182–199. (In Russ.).

12. Vashurina E. V., Vershinina O. A., Evdokimova Ya. Sh., Oleinikova O. N. Vozmozhnosti mezhdunarodnykh partnerstv i initsiativ v privlechenii inostrannykh studentov [Benefits of International Partnerships for International Students Recruitment]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2016, no. 6 (106), pp. 54–63. (In Russ.).

13. Pimonova S. A., Fomina E. M. Mezhdunarodnaya studencheskaya mobil'nost' kak element internatsionalizatsii obrazovaniya [Short-Term International Academic Mobility as a Factor of Higher Education Internationalization].

Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz, 2019, vol. 23, no. 4, pp. 91–103. (In Russ.).

14. Dibrova M. I., Kabanova N. M. Izmeneniya v strukture vuza kak sledstvie internatsionalizatsii obrazovaniya [Changes in the Structure of the University as a Result of the Internationalization of Education]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2004, no. 2, pp. 58–60. (In Russ.).

15. Veselovsky M. Ya., Semenyak O. V. Razvitie rynka obrazovatel'nykh uslug vysshei shkoly v usloviyakh formirovaniya edinogo obrazovatel'nogo prostranstva [Development of the Market of Educational Services of the Higher School in Conditions of Formation of Uniform Educational Space]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 2007, no. 3 (17), pp. 5–9. (In Russ.).

16. Gabdrakhmanov N. K., Nikiforova N. Yu., Leshukov O. V. «Ot Volgi do Eniseya...»: obrazovatel'naya migratsiya molodezhi v Rossii [«From the Volga to the Yenisei...»: Educational Migration of Youth in Russia], Moscow, Higher School of Economics, 2019, 48 p. (In Russ.).

17. Martynenko O. O., Zhukova N. V. Upravlenie akademicheskoi mobil'nost'yu v vuzakh [Universities Academic Mobility Management]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2008, no. 1 (53), pp. 65–75. (In Russ.).

18. Saarikallio-Torp M., Wiers-Jenssen J. (eds.). Nordic Students Abroad. Student Mobility Patterns, Student Support Systems and Labor Market Outcomes, available at: <https://core.ac.uk/reader/14913436> (accessed 06.06.2020). (In Eng.).

19. Zeer E. F., Morozova S. A., Symanyuk E. E. Professional'naya mobil'nost' – integral'noe kachestvo sub'ekta innovatsionnoi deyatel'nosti [Professional Mobility as an Integral Quality of the Subject of Innovative Activity]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2011, no. 5, pp. 90–97. (In Russ.).

20. Keskiner E. Blurring of the Transition Point: Combining Work and Study. In: *Youth Transitions among Descendants of Turkish Immigrants in Amsterdam and Strasbourg*, Springer, 2019, pp. 53–76. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-11790-0_3. (In Eng.).

21. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Dialektika chelovecheskoi zhizni [The Dialectic of Human Life], Moscow, 1977, 224 p. (In Russ.).

22. Kenig V. A. Stanovlenie professional'noi identichnosti studentov, rabotayushchikh po spetsial'nosti [The Formation of Professional Identity of Students Working in the Specialty]. *Novye pedagogicheskie issledovaniya*, 2007, no. 6, pp. 64–73. (In Russ.).

23. Roshchin S. Yu., Rudakov V. N. Sovmeshchenie ucheby i raboty studentami rossiiskikh vuzov [Combining Work and Study by Russian Higher Education Institution Students]. *Voprosy obrazovaniya*, 2014, no. 2, pp. 152–179. (In Russ.).

**Список российских вузов, чьи локальные акты
послужили материалом для исследования**

1. Адыгейский государственный университет (АГУ).
2. Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ БелГУ).
3. Волгоградский государственный социально-педагогический университет (ВГСПУ).
4. Волгоградская государственная академия физической культуры и спорта (ВГАФК).
5. Воронежский государственный университет (ВГУ).
6. Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ).
7. Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (КалмГУ).
8. Костромской государственный университет (КГУ).
9. Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева).
10. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ им. Н.И. Лобачевского).
11. Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма (Поволжская ГАФКСИТ).
12. Псковский государственный университет (ПсковГУ).
13. Сибирский государственный индустриальный университет (СибГИУ).
14. Смоленский государственный университет (СмоГУ).
15. Северный арктический федеральный университет им. М.В. Ломоносова (САФУ).
16. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ).
17. Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).
18. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (ТГУ им. Г.Р. Державина).
19. Тюменский государственный университет (ТюмГУ).
20. Тюменский индустриальный университет (ТИУ).
21. Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (ЧГПУ).
22. НИУ «Высшая школа экономики».
23. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).
24. Комсомольский-на-Амуре государственный педагогический университет.

Рукопись поступила в редакцию 10.03.2020
Submitted on 10.03.2020

Принята к публикации 06.06.2020
Accepted on 06.06.2020

Информация об авторах / Information about the authors

Емельянова Ирина Никитична – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей и социальной педагогики Тюменского государственного университета; +7 922 266-04-62; matra2005@yandex.ru.

Теплякова Ольга Андреевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Тюменского государственного университета; +7 922 268-24-79; teplyakova.oi@yandex.ru.

Тепляков Дмитрий Олегович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Тюменского государственного университета; +7 922 267-98-99; tepld@yandex.ru.

Irina N. Emelyanova – Dr. hab. (Pedagogics), Associate Professor, Professor of the General and Social Pedagogy Department, Tyumen State University; +7 922 266-04-62; matra2005@yandex.ru.

Olga A. Teplyakova – PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Constitutional and Municipal Law Department, Tyumen State University; +7 922 268-24-79; teplyakova.oi@yandex.ru.

Dmitry O. Teplyakov – PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Constitutional and Municipal Law Department, Tyumen State University; +7 922 267-98-99; tepld@yandex.ru.